

Эдвард Радзинский

Любовные сумасбродства Джакомо Казановы

*Часть сборника
Загадки истории (сборник)*

Эдвард Радзинский

**Любовные сумасбродства
Джакомо Казановы**

«АСТ»

Радзинский Э. С.

Любовные сумасбродства Джакомо Казановы / Э. С. Радзинский —
«АСТ»,

ISBN 978-5-457-20846-9

«Тикали часы», и «весна сменяла одна другую». Закончился XVIII век. И те, кто отрубил голову королю в Париже, уже успели порубить головы и друг другу. И все это время в столице Франции сбрасывали статуи – сначала королей, потом революционеров, потом корсиканца, сменившего этих революционеров... А потом все статуи возвратили на место. К двадцатым годам XIX века эта скучная карусель сменилась мифом. Мифом о Золотом Времени, об утерянном Галантном XVIII веке... Так что книга Казановы, начавшая печататься в 1822 году, поспела вовремя. И Казанова шагнул в этот новый век, век рантье, в великолепии своих бесчисленных любовных приключений, заставив печально вздыхать все будущие поколения женщин.

ISBN 978-5-457-20846-9

© Радзинский Э. С.
© АСТ

Содержание

Любовные сумасбродства Джакомо Казановы	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Эдвард Радзинский

Любовные сумасбродства Джакомо Казановы

*...Но тикают часы, весна сменяет
Одна другую, розовеет небо,
Меняются названья городов,
И нет уже свидетелей событий,
И не с кем плакать, не с кем вспоминать,
И медленно от нас уходят тени,
Которых мы уже не призываем,
Возврат которых был бы страшен нам...*

Анна Ахматова

Старик писал свою книгу промозглыми ночами в холодном замке в Богемии. Старик вызывал тени. Книгу он назвал – «История моей жизни». И начал он ее в год мистический – 1789-й. В тот год там, далеко за окнами замка, в Париже свершилась революция.

Революция должна была похоронить мир, который описывал старик.

Старик работал по двенадцать – тринадцать часов в сутки, и к страшному 1793 году полсотни лет его жизни уже уместились в десяти томах.

Все эти годы до него доходили слухи о парижских ужасах. Прах кардинала Ришелье выбросили из гробницы на парижскую мостовую, и мальчишки, дети парижской черни, развлекались – пинали ногами голову, которая столько лет правила Францией. Мощи Святой Женевьевы – покровительницы Парижа, свезли на Гревскую площадь, изрубили мечом палача на эшафоте и сбросили в Сену. В соборе Парижской Богоматери устроили склад. Принцессу де Ламбаль, подругу Марии Антуанетты, обезглавили, голову воздели на пику, вырвали сердце и тоже воздели на пику. Голову красавицы с запекшейся кровью и выбитыми зубами, ее кровоточащее сердце носили перед окнами венценосной подруги...

Он не знал госпожу де Ламбаль – она, наверное, еще не родилась, когда он впервые прибыл в Париж... Нет, его женщины – те, кого он любил, – уже лежали в могилах. Бог дал им счастье не увидеть этих ужасов.

Впрочем, не всем удалось сбежать в могилу от встречи с обезумевшей толпой. Принц де Линь рассказал старику, как привезли на эшафот несчастную графиню Дюбарри, возлюбленную Людовика XV. Старик помнил ее совсем молодой – белокурой красавицей. И вот ее, повелительницу сердца короля Франции, волокли на эшафот, а она все молила: «Минуточку, еще одну только минуточку, господин палач!» И толпа хохотала...

Кстати, старик хорошо знал еще одну красавицу (и тоже блондинку), которая пусть кратковременно, но тоже повелевала сердцем короля Франции. И опять прекрасные воспоминания пришли к старику... «Я возрождаю наслаждение, вспоминая о нем...» И он записал эту историю – он снова жил. Малютка О'Морфи... Бедная О'Морфи! Говорят, она еще жива, неужели и она погибнет в этом парижском аду? Неужели и ее тело, которое он так помнил... Боже мой, а ведь ей уже за шестьдесят! Когда он впервые ее увидел, ей было тринадцать лет. Она была «грязная оборванка, но он тотчас разглядел в ней безупречнейшую красавицу». В скольких оборванках он умел разглядеть красавиц!

«Ничто так никогда не владело мной, – записывал он, – как женское лицо...» Что значит воистину любить женщин? Это – суметь разглядеть красавицу в каждой... ну, почти в каждой молодой женщине. «В пятидесятом году нынешнего столетия, – записал старик, – я свел знакомство с художником Натье». Как удивительно писал портреты этот Натье! Когда

он писал уродливую женщину, он не менял ни единой черты ее лица, но она всем казалась красавицей. Он тогда только что закончил портреты некрасивых дочерей Людовика XV – «и нарисовал их прекрасными, как звезды»... В чем секрет его волшебства? Просто Натье, которому было восемьдесят лет, по-прежнему любил женщин!

Но О'Морфи была действительно хороша. Старик помнил, как он мыл эту грязную девчонку, как заиграла ослепительная кожа... Малютка позволила ему все за шестифранковый экю, она была покорней барашка. Все, кроме – того. То она оценила в двадцать пять луидоров – так ей велела сестра...

Потом он придумал историю с портретом. Художник изобразил ее обнаженной, она лежала на животе – в позе, которая сводила его с ума. Ну а потом – случайно, совершенно случайно! – портрет показали королю. Ну мог ли Людовик XV – этот гурман, этот коллекционер женской плоти, не потребовать немедленно привезти малютку в Париж? Когда малютка увидела Людовика, она расхохоталась. Изумленный король спросил:

– Почему ты смеешься?

– Я смеюсь потому, что вы как две капли воды похожи на шестифранковый экю!

Эту монету с изображением короля простодушная О'Морфи хорошо знала – она получала ее после каждой ночи. После каждой их безумной ночи, когда, вкусив все наслаждения, *он* умел оставить ее невинной. Не мог же *он* подсунуть королю испорченный плод!

В 1793 году, когда старик уже закончил десятый том, в Париже казнили Людовика XVI – некрасивого внука Людовика XV (тот был чудо как хорош!). А потом – и красавицу Марию Антуанетту. Старик показалось это предзнаменованием – окончательной чертой. И он прервал свое повествование, и все последующие годы лишь обрабатывал написанное...

Все тот же принц де Линь рассказал ему, как привезли несчастного Людовика XVI на площадь, которая называлось в его времена площадью Людовика XV. Сколько раз старик прогуливался по этой площади... Теперь это была площадь Республики, и вместо статуи короля воздвигли здесь статую Свободы. Она стояла у самой гильотины, и кровь с отрубленных голов брызгала на статую. Сам народ позаботился о примитивном символе – Свобода была постоянно в крови. А потом пришла очередь королевы... Как красива была Мария Антуанетта! В Париже герцог Лозен как-то показал ему два бокала с изгибом совершеннейшей формы – это была отливка безукоризненной груди Марии Антуанетты. И эта первая красавица Европы была совсем седая, когда ее привезли на гильотину. На ее прекрасном лбу был шрам – она разбила голову о низкую притолоку камеры. Она не умела гнуть шею... Ее везли на свидание с гильотиной в грязной телеге, и толпа осыпала королеву проклятиями. А потом палач показал народу отрубленную голову, и в этот миг мышцы лица сократились – голова открыла глаза...

Старик написал гневное письмо Робеспьеру. Он обожал писать. На множестве страниц он обличил злодейства якобинцев и изложил свои заветные мысли: «Деспотизм короля – ничто по сравнению с деспотизмом толпы. Толпа вешает, рубит головы, убивает всякого, кто, не будучи сам толпою, осмелится обнаружить свое мнение...»

Это письмо о деспотизме он попытался вставить в книгу, но, кроме нескольких фраз, все пришлось выкинуть...

Ибо книга была особая.

Он написал в ней страшные слова: «Я пишу эту книгу в надежде, что история моя не увидит свет, я тешу себя мыслью, что в последний момент, образумившись, велю бросить в огонь мои записки. Ежели сего не случится, читатель простит меня, узнав, что писание мемуаров было единственным средством, мною изобретенным, чтобы не сойти с ума от горя и обид, которые чинят мне многочисленные подлецы, собравшиеся в замке графа Вальдштейна в Дуксе».

«Многочисленные подлецы» не стоили столь страстного обличения. Это были всего лишь слуги. И развлекались они понятной забавой лакеев – издевались над господином, впадшим в ничтожество. Старик у это было особенно больно – он был горд.

«Он горд, ибо он – ничто, и не имеет ничего. Если бы он был финансистом или вельможей, то наверняка держался бы попроще», – написал о нем принц де Линь. Да, гордый старик был всего лишь приживалом, которого привез в замок хозяин Дукса, граф Вальдштейн, племянник принца де Линя. Богач граф назначил старика своим библиотекарем и платил ему. Сделал он это потому, что старик был забавен – буквально начинен множеством невероятных историй, которые произошли с ним (как он утверждал) в его бурной жизни... А возможно, еще и по обязанности таинственного братства: и старик, и принц де Линь, и граф Вальдштейн были масонами.

Слуги поняли положение старика и развлекались как могли: украли его единственного друга – собачонку, которую он так любил. Старик обожал хорошую кухню, (принц де Линь называл его «хищником застолий»), а слуги постоянно доставляли ему еду пересоленной или пережаренной. Портрет старика, выданный из его же книги, они повесили в клозете...

Но наступали и прекрасные минуты, когда в замке появлялся хозяин – граф Вальдштейн – и его гости. Тогда старик торжественно надевал свой бархатный камзол и папский орден – крест, из которого исчезли все бриллианты (давно уже были заложены). Напудренная коса, хищный нос крючком и здоровенный кадык воинственно торчали – как прежде. И на негнущихся ногах, опираясь на палку с тяжелым набалдашником, он спускался вниз.

Вместе с графом Вальдштейном обычно появлялся в замке и принц де Линь – воплощение всех достоинств ушедшего века: фельдмаршал, прославившийся храбростью, и, конечно, философ и писатель. Но главное – блистательный рассказчик, украшение салонов, которого, по словам его друга графа Сегюра, «при всех европейских дворах принимали, ласкали и который мог развеселить самое унылое общество».

Сей де Линь весьма желчно описал в своих мемуарах сцену явления старика гостям: «Он был бы красив, если бы не был так уродлив. Однако он высок и сложен, как Гераклес... Лицо смуглое, в его глазах, полных ума, всегда сквозит обида, ярость и злость... Он редко смеется, но любит смешить...»

Но часто смеялись не над рассказами старика – смеялись над ним самим... «На нем был шитый золотом жилет, черный бархатный камзол – и все засмеялись» (в постреволюционной Европе исчезли и напудренные косы, и парики, и камзолы, теперь носили мундиры и унылое гражданское платье. Мир стал скучным, а старик – смешным). «Он церемонно раскланялся, как обучали шестьдесят лет назад, – и все засмеялись...»

«И хотя самолюбие старика было всегда начеку», обидчивый и гордый, он все прощал – за дальнейшее. После отличного ужина (наконец-то постарались, канальи!) гости начинали просить его «прочитать что-нибудь из *той* книги»... Что бы ни писал принц де Линь, смешливые гости приезжали в замок прежде всего из-за старика – послушать книгу, о которой было столько слухов.

«В ней, сам того не ведая, он превзошел автора „Жиль Бласа“ и „Хромого беса“» – признавался де Линь.

Чтение заканчивалось восторгами, и... гости уезжали. И долго, должно быть, вспоминали старика и забавный вздох Талейрана: «Кто не жил до 1789 года, тот вообще не жил».

И опять старик оставался во власти гнусных слуг, и опять он возвращался в *ту* свою жизнь – до 1789 года.

И снова приходили тени.

Но почему так страшился старик своей книги? Что было в ней злонамеренного?

Старик почитал себя важным человеком. Он описал в книге, как великие монархи удостоивали его беседы. О чем должен писать важный человек? О победах в политике, на

поле брани... Старик писал о победах над женщинами. Сюжет его книги – непрекращающееся любовное похождение (и со всеми подробностями!). Некая «эротическая Илиада», как назвал ее Цвейг. Сто двадцать две соблазненные им женщины были ее героинями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.